

С тех пор Ситу Кун больше так не шутил.

В изгибе его губ, в прищуре глаз, в едва заметном движении бровей и в вечной, неискоренимой гордыне теперь сквозило нечто неуловимое — тайна, которую каждый пытался разгадать, но ни у кого не получалось.

Наступила глубокая осень. Вдоль улочек у офицерских общежитий невесть откуда взялись гинкго. Мостовые усыпало золотом опавших листьев — картина, похожая на сказку, казалась чужеродной, почти нелепой в суровых декорациях военной базы. Наверное, эти деревья росли здесь всегда, просто раньше на них не обращали внимания. Человек на удивление слеп к тому, что находится у него под самым носом: вещь может быть совсем рядом, но оставаться незамеченной.

В редкие дни увольнительных Цицзе предпочитал оставаться у себя. Обычная гражданская жизнь была ему недоступна: из базы в город просто так не выберешься, в центр не уедешь, шальные деньги не спустишь. А в местном развлекательном центре всегда полно народу — лишние сплетни ни к чему. Его однушка была обставлена скромно, но аккуратно: письменный стол, пара стульев, шкаф, книжные полки, обеденный стол, журнальный столик, диван, холодильник и кондиционер. Что-то он купил сам, что-то выделила армия. Имелась даже стереосистема — подарок Цзюньвэня, и автоматический уборщик от Хо Бижо. Сама Хо Бижо терпеть не могла мыть посуду, но Цицзе и без всякой техники умел поддерживать в холостяцкой берлоге идеальный порядок. Поэтому автоматический уборщик, заброшенный за ненужностью, давно сломался.

А еще там стояла кровать...

Психологическая травма — штука странная. Она не всегда появляется после удара судьбы, но порой укореняется без видимых причин. От нее невозможно отмахнуться: она вцепляется в разум и тело не хуже первобытной похоти. Кровать вызывала у Цицзе смутную, но непреходящую тревогу. Иногда он все же ложился на нее, кутаясь в одеяло и сворачиваясь клубком, точно испуганный еж. Летом же стелил прямо на полу циновку — так было прохладнее, да и на кондиционере получалось сэкономить. Дело было не в капризах или глупом страхе. Просто с кроватью у него были связаны два худших воспоминания в жизни: изнурительная болезнь перед призывом и...

Многие на базе спали нагишом. Для такой чувственной и свободной женщины, как Хо Бижо, это было естественным делом. Но вот от кого Цицзе не ожидал подобного, так это от Цзюньвэня Исюаня. Напарник всегда казался ему образцом сдержанности и благопристойности, чуть ли не пуританином. Сам Цицзе святошей никогда не был: первый сексуальный опыт он получил в шестнадцать, да и с Джессен они провели немало приятных ночей. Он считал себя самым обычным парнем — не гений, но упорный; не скала надежности, но заботливый и чуткий.

Однако теперь он ни за что не решился бы раздеться при ком-то. Ему было противно собственное тело. Оскверненное чужой кровью и клеймами, которые оставили на нем другие люди...

Пообедав, Цицзе присел на корточки у порога и принялся поливать кактус. Исюань подарил его «для душевного равновесия». Мол, человеку без терпения и зачатков заботы о себе противопоказано заводить птиц или рыбок. Цветоводство — целая наука: новичок либо зальет растение, либо засушит. А кактус живуч. Растет медленно, места не требует, и даже если не вспоминать о нем месяца три, прекрасно справится сам.

Цзюньвэнь как-то пошутил, что этот цветок очень похож на самого Цицзе: такой же упрямый, живучий и весь в колючках.

«Живучий-то живучий, — подумал тогда тот, — но если ободрать с него все иголки, он тут же загнется».

Он плеснул из чашки немного воды в маленький глиняный горшок. Поглядел, решил, что маловато, добавил еще каплю. Поколебался... да и бог с ним.

Вернувшись в комнату, он принялся наводить порядок на книжных полках и наткнулся на билет на турнир по смешанным единоборствам. Зачем-то сохранил на память, хотя так и не сходил — корешок оторвался во время той памятной потасовки, сделав билет недействительным.

Перед глазами снова встала сцена: он, как рассерженный ребенок, яростно сверлит взглядом развалившегося на постели Ситу Куна. Из-за какого-то паршивого билета они едва не подрались. А ведь тот ублюдок уже тогда был бледен как смерть и едва скрывал свои раны.

С чего вдруг Цицзе сорвался?.. Они ведь должны были разойтись раз и навсегда. Нельзя смотреть на это лицо. Нельзя давать слабину, ловя себя на глупой жалости к его болезненной бледности.

Жалость к врагу — это предательство самого себя.

Просто Цицзе не привык видеть этого невыносимо гордого человека столь изнуренным. В глубине его глаз по-прежнему клубилась непроглядная, пугающая бездна.

«Не ходи туда, послушай меня. Я действительно... не хочу причинить тебе вред».

Не хочет причинить вред? Да он живого места на нем не оставил! До чего же нелепо слышать подобное теперь.

— Эх... — вздохнул он.

Цицзе и сам не подозревал, насколько сильно прикипел сердцем к боям. Но прошлого не воротишь, винить некого — сам виноват, надо было тверже стоять на своем и беречь шкуру.

Как заносчиво бросил тогда Ситу Кун:

— Мужчину нельзя принудить. Мы оба просто пошли на поводу у похоти.

Что ж, отличная отмазка.

Цицзе нахмурился, отшвырнул книгу на стол и решительно направился к двери.

К черту все. Пора на тренировку.

В это же время по-осеннему прохладную улицу будоражил вызывающий наряд прекрасного капитана Хо Бижо. Пренебрегая пронизывающим ветром, она щеголяла в кожаной мини-юбке, обнажавшей тонкую талию, и высоких сапогах, накинув поверх лишь просторное кремовое пальто. Настоящая модель, сошедшая с подиума.

Выпорхнув из такси, она небрежным жестом стянула темно-бордовые солнцезащитные очки и, окинув взглядом помпезный фасад роскошного отеля, хмыкнула:

— Богачи в своем репертуаре.

— Простите, мэм, а оплата?.. — подал голос водитель, завороченно глядя на эффектную пассажирку.

— Запишите на счет семьи Ситу! — бросила она, даже не обернувшись.

Таксист спорить не стал. В этом городе, где заправлял клан Ситу, о любовных похождениях молодого наследника ходили легенды. Журналисты давно забросили попытки сосчитать его пассий, сойдясь на том, что у всех этих женщин была лишь одна общая черта — они исчезали из его жизни после первой же ночи.

Пока не объявили о помолвке Ситу Куна с Инь Юаньйи, его личная жизнь оставалась излюбленной темой для пересудов. Так что водитель без тени сомнения зачислил знойную красотку в список его очередных побед.

По винтовой лестнице Бижо поднялась в ресторан на пятом этаже. Ее дерзкий вид явно диссонировал с чопорной роскошью заведения, но метрдотель тут же услужливо препроводил гостью в отдельный кабинет. Окажись она в общем зале, почтенная публика глазела бы на нее как на диковинного зверя в зоопарке.

Войдя, она увидела Ситу Куна. Тот неподвижно стоял у панорамного окна, созерцая огни мегаполиса. Безупречно скроенный серый костюм в тонкую полоску подчеркивал его статную фигуру, а зачесанные назад волосы открывали высокий лоб. Холеный, уверенный в себе, чертовски привлекательный — он буквально излучал силу и лоск высшего общества.

Он неторопливо повернулся. На его губах заиграла привычная, отточенная до автоматизма светская улыбка — мягкая, но заставляющая держать дистанцию:

— Пунктуальность явно не ваш конек, капитан. Я жду здесь два часа.

Бижо хотела ответить столь же притворно-сладкой улыбкой, но весь задор мгновенно испарился. Она картинно вздохнула:

— Прошу прощения, рейс задержали. Но я, признаться, не думала, что у тебя хватит терпения дождаться.

Они созванивались еще из аэропорта, и Кун настоял на встрече, пообещав не уходить. Для человека его калибра два часа простоя стоили целого состояния, но он не двинулся с места.

— Надо же, — язвительно протянула Бижо, присматриваясь к собеседнику. — Похоже, предмет нашего разговора для тебя действительно бесценен.

Она надеялась поймать его на живой эмоции, но тщетно.

Ситу Кун лишь снисходительно усмехнулся:

— Просто выдался свободный вечер.

Точно. Он ведь только недавно перенес операцию по протезированию и все еще восстанавливался.

Бижо бегло осмотрела его левую руку. С виду — не отличить от настоящей. Современная биомеханика творила чудеса, если, конечно, пациент был способен пережить шестнадцатичасовой кошмар на операционном столе. Вживить кибернетические узлы в живую нервную систему — пытка, которую не заглушить никакими анальгетиками. Слишком много наркоза давать нельзя, иначе погибнут нервные окончания, и протез останется бесполезным куском железа. Люди на этих столах нередко умирали от болевого шока. Но в стойкости Ситу Куна никто не сомневался.

Там, где обычному человеку требовалось пять месяцев реабилитации, он управился за два. Чего ему это стоило — знал только он сам.

Единственной деталью, выдававшей тайну, была тонкая черная перчатка. Искусственная кожа все же слегка отличалась по оттенку от настоящей. Похоже, теперь этот аксессуар станет частью его постоянного гардероба.

— Выглядишь отлично, быстро идешь на поправку, — нарушила она затянувшееся молчание и направилась к накрытому столу. — Ужасно проголодалась.

Кун галантно отодвинул для нее стул и, дождавшись, пока она сядет, самолично разлил вино.

Глядя, как темный рубин струится в хрустальный бокал, Бижо хмыкнула:

— Какая невиданная щедрость. Давай без прелюдий, Ситу. Мы не в тех отношениях, чтобы юлить. Спрашивай прямо.

Она сделала приличный глоток, демонстративно плюя на изысканный этикет заведения. Армейская косточка всегда брала свое, особенно у женщин-офицеров.

Кун опустил на стул напротив. Пальцами левой руки — той самой, в перчатке — он лениво покачивал бокал. Взгляд его блуждал где-то в стороне, словно он принялся к букету вина, но на деле мысли его были далеко.

— Шангуань Цицзе... — произнес он, и в голосе его проскользнула едва уловимая дрожь. — Какую военную тайну вы на него повесили?

Раз уж просили на чистоту — он спросил прямо, без малейших экивоков.

Бижо внутренне возликовала: «Занервничал? Не утерпел? То-то же, голубчик...»

— С какой стати мне выкладывать гражданскому секретные сведения? — Она пригубила вино, напуская на себя безразличный вид. Ей безумно хотелось посмотреть, как этот баловень судьбы потеряет свое хваленое самообладание.

Он ведь человек. А у людей есть слабости. Не мог же он полностью вытравить из себя чувства! За маской циничного эгоиста все равно бьется живое сердце. В конце концов, он умел привязываться — его одержимость Мочаном граничила с безумием. Почему же теперь его взор обратился на другого?

— Неужели? А я думал, ты пришла именно за этим — совершить небольшую измену родине, — с иронией заметил Кун, однако в его голосе Бижо уловила тщательно скрываемое раздражение.

«А актер из тебя так себе, Ситу», — подумала она и добавила вслух:

— Твой план провалился, Кун. Армия его не отпустит. Каково это — терпеть фиаско? Смотри, как бы Цицзе не стал твоим злейшим врагом.

Сбивать спесь с таких, как он — ни с чем не сравнимое удовольствие.

Кун молча сделал глоток.

— К тому же, — зашла она с козырей, — рядом с ним сейчас крутится человек, который тебя люто ненавидит. Мальчик быстро наберется от него правильных мыслей. Все твои усилия псу под хвост.

Кун опустил взгляд, пряча глаза:

— Он не из тех, кем легко манипулировать.

— Да неужели? И много ты о нем знаешь?! — вскипела Бижо, раздосадованная его непробиваемым спокойствием.

Мужчина окинул взглядом ломящийся от яств стол и мягко, обезоруживающе улыбнулся:

— Немного. Но мне этого достаточно.

Бижо прищурилась. Год назад между этими двумя стряслось нечто из ряда вон выходящее.

— Послушай, Ситу Кун, — шумно выдохнула она, подливая себе вина. — Давай так. Ответишь честно на один вопрос — и я выдам тебе то, что ты ищешь.

В его глазах на мгновение вспыхнул опасный огонек.

— Честная сделка. Я слушаю.

— Год назад... вы с Шангуанем...

Кун медленно осушил бокал, словно смакуя терпкую горечь напитка. На его лице не отразилось ни единой эмоции.

Бижо осеклась, так и не решившись произнести это вслух.

— И что же? — приподнял бровь Ситу. — Что произошло между мной и Цицзе?

«Издеваешься, гад. Прекрасно ведь понимаешь, о чем речь!»

Она тоже допила бокал. Хмель мгновенно ударил в голову, щеки обожгло румянцем.

— Аккуратнее, — Кун лениво провел пальцем по ободку хрусталя. — С твоей конституцией пить так быстро вредно. Начнешь болтать лишнее.

— У меня всегда лицо краснеет, ты же знаешь, — буркнула она, чувствуя, как теряет инициативу. Собрав остатки воли, она уставилась ему прямо в глаза: — Ответь мне. Что у вас с ним было?

— А что у нас могло быть? — с непроницаемым видом парировал он.

Бижо сердито стиснула зубы.

— У меня в руках информация, ради которой ты готов на все. Не думаешь, что пора сбросить маску? — Она прикусила губу. Если сейчас упустит момент, этот скользкий тип закроется навсегда.

Но Ситу Куна было не пробить.

— О каком откровении речь, если это обычный торг? Я могу соврать тебе три короба, а ты выложишь мне все секреты. Не пойдет. — Он усмехнулся, придвигая к ней бутылку. — Есть предложение получше. Спой меня. Говорят, пьяные не умеют врать. Попробуй.

«Ах ты ублюдок! Думаешь, я слабачка?»

— Идет!

Рюмка за рюмкой, бокал за бокалом. Бутылка, вторая, третья...

Бижо действительно умела пить, ее румянец был лишь уловкой, чтобы усыпить бдительность соперников. Но на каждого мастера найдется свой гроссмейстер.

Ситу Куна алкоголь, казалось, вообще не брал.

Вскоре очертания комнаты поплыли, бокалы начали двоиться. Бижо мотнула головой, пытаясь стряхнуть дурман, но лишь сильнее спровоцировала приступ дурноты. Бессильно уронив голову на сложенные руки, она уставилась на расплывающийся силуэт Куна.

— Монстр... Из какой бочки тебя разливали?..

— Без уверенности в своей печени я бы не ввязывался, — хмыкнул Ситу Кун. Он отодвинул пустой бокал и принялся лениво таскать с тарелки соленый арахис, глядя на нее с неприкрытым мальчишеским превосходством. — Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя.

Бижо лишь сердито промычала в ответ. Сил злиться уже не осталось.

Кун молча закидывал в рот орешек за орешком. Но стоило девушке окончательно обмякнуть, как его взгляд изменился — стал холодным, цепким, почти хищным.

— Шангуань Цицзе... Я перерыл все архивы, — негромко произнес он. Его тихий, вкрадчивый голос звучал так, будто он пересказывал сюжет увлекшей его книги. — Внебрачный ребенок. Мать родила его в четырнадцать лет в каком-то захолустье под Городом Сияющей Ночи. В четыре года сдала в тренировочный лагерь смешанных единоборств. С тех пор они не виделись.

Кун сделал паузу, он прищурился. В глубине его глаз заиграл опасный, лихорадочный блеск.

— Мальчишка оказался талантливым, за успехи в единоборствах его бесплатно пристроили в художественную академию. Правда, кроме как махать кулаками, он ничему так и не научился. Но самое интересное не это. В двенадцать лет у него диагностировали врожденную легочную недостаточность. Смертный приговор. С его диагнозом люди едва дотягивают до двадцати лет. И у меня возникает резонный вопрос...

Он подпер щеку рукой, пристально глядя на спящую Бижо:

— Каким образом парень с пороком легких умудрился пройти жесткий армейский отбор?

Система безопасности Гайи Лейна работала безупречно. Восточное военное командование хранило свои тайны за семью печатями, а тут еще и собственный отец, старая лиса Ситу Цзинван, явно вел свою игру. Ситу Кун оказался в тупике.

Его взгляд беспокойно блуждал по комнате, словно пытаясь зацепиться за хоть какую-то зацепку.

Бижо с трудом открыла глаза. Посмотрев на его безупречное, но сейчас такое потерянное лицо, она тихо, сквозь сон, пробормотала:

— Ситу... если в тебе осталось хоть что-то человеческое... оставь его в покое. Не смей больше его использовать... У него ведь...

Алкоголь окончательно сморил ее. Голова бессильно упала на плечо, прервав фразу на полуслове. Тайное осталось тайным.

Кун замер с бокалом в руке. Затем медленно наклонил его, наблюдая, как темный осадок кружится на дне. В его глазах застыла глухая, пугающая пустота.

Долог путь, но разлука близка,

Хмель весенний в чаше дрожит.

Ветром смыты былые века,

Свечи гаснут, и память молчит.

Прах земной замечает следы,

В бездне чувств угасает обет.

Среди этой немой пустоты

Я приму твой прощальный завет.

«В этой жизни, пройденной рука об руку с тобой, нет места ни обидам, ни сожалениям».

Но когда именно эти узы обратились в проклятие?

<http://bllate.org/book/18305/1766171>